ИЗДАТЕЛЬСТВО грамота

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 9 | 2026. Volume 19. Issue 9
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Культурно-маркированная лексика тематической группы «дом» (на материале русских и немецких легенд и преданий)

Козлова К. О.

Аннотация. Цель исследования – выявить дифференциальные признаки в репрезентации дома как лингвокультурного кода в русских и немецких легендах и преданиях на основе сопоставительного анализа культурно-маркированной лексики тематической группы «дом». Материалом послужили тексты русских легенд и преданий из сборников А. Н. Афанасьева, Н. А. Криничной, Е. А. Глушко и Ю. М. Медведева, а также немецкие легенды и предания из первого тома сборника братьев Гримм и сборника народных легенд и преданий Людвига Бехштейна. В статье рассматриваются три подгруппы тематической группы «дом»: типы жилища; внутреннее пространство дома; двор и хозяйственные постройки; анализируются их семантические, функциональные и мифологические характеристики в двух фольклорных традициях. Научная новизна исследования состоит в том, что культурно-маркированная лексика тематической группы «дом» впервые описывается на материале русских и немецких легенд и преданий как единый сопоставительный корпус. В результате установлено, что в русской лингвокультуре дом – сакрализованный центр крестьянского мира, а в немецкой – статусный и мифологически маркированный топос аристократической и городской культуры.

EN

Culturally marked vocabulary of the thematic group "home" (based on Russian and German legends and traditions)

K. O. Kozlova

Abstract. The aim of the research is to identify distinctive features in the representation of the home as a linguocultural code in Russian and German legends and folk tales based on a comparative analysis of culturally marked vocabulary of the thematic group "home". The material comprised texts of Russian legends and traditions from the collections of A. N. Afanasyev, N. A. Krinichnaya, E. A. Glushko, and Yu. M. Medvedev, as well as German legends and traditions from the first volume of the Brothers Grimm collection and Ludwig Bechstein's collection of folk legends and traditions. The article examines three subgroups of the thematic group "home": dwelling types; the interior space of the home; the yard and outbuildings; their semantic, functional, and mythological characteristics are analyzed across the two folklore traditions. The scientific novelty of the research lies in the fact that culturally marked vocabulary of the thematic group "home" is described for the first time on the material of Russian and German legends and traditions as a unified comparative corpus. As a result, it was established that in Russian linguoculture, the home is a sacralized center of the peasant world, whereas in German linguoculture it represents a status-defined and mythologically marked topos of aristocratic and urban culture.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлена возрастающим интересом современной лингвистики к изучению языковых средств репрезентации национальной картины мира и механизмов сохранения культурной памяти в языке. Одним из ключевых элементов любой культуры является дом, который выступает социальным и сакральным центром, отражающим представления народа о семье, социальном устройстве, хозяйственном укладе и взаимодействии человека с окружающим миром.

Особую значимость в этом отношении приобретает фольклор, поскольку именно он сохраняет наиболее устойчивые и архаические модели мировосприятия, формировавшиеся на протяжении длительного исторического периода. В условиях активного развития сопоставительных лингвокультурологических исследований и растущего интереса к проблемам национальной идентичности, межкультурной коммуникации и лексике

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260436

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

с национально-культурным компонентом значения возрастает необходимость изучения культурно-маркированной лексики как одного из важнейших средств сохранения и передачи культурного опыта. Лексические единицы тематической группы «дом» отражают особенности организации домашнего пространства, хозяйственного уклада и системы культурных ценностей народа. Их исследование на материале фольклорных текстов позволяет выявить национально-специфические особенности языковой картины мира и механизмы их закрепления в коллективном сознании.

Таким образом, актуальность настоящего исследования заключается в решении значимой для современной лингвокультурологии проблемы выявления способов языкового отражения национально-культурной специфики через сопоставительный анализ культурно-маркированной лексики тематической группы «дом» в русских и немецких легендах и преданиях.

Для достижения вышеуказанной цели исследования предполагается решение следующих задач:

– выявить культурно-маркированные лексические единицы тематической группы «дом» в русских и немецких легендах и преданиях;

– распределить отобранные единицы по тематическим подгруппам (типы жилища; внутреннее пространство дома; двор и хозяйственные постройки);

– описать лексемы каждой подгруппы с учётом их семантических, функциональных и мифологических характеристик в русской и немецкой традициях;

– сопоставить полученные данные и на этой основе выявить универсальные и национально-специфические особенности репрезентации дома как лингвокультурного кода в русских и немецких легендах и преданиях.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Прежде всего для отбора материала применялся метод частичной выборки: в русских легендах и преданиях были выделены все лексические единицы, относящиеся к тематической группе «дом» и обладающие национально-культурным компонентом значения. Этот метод позволил сформировать корпус культурно-маркированной лексики, связанной с домом и дворовыми постройками.

Описательный метод использовался для систематизации отобранного материала и представления его в виде тематической классификации. С его помощью были выделены и охарактеризованы три подгруппы лексем: «типы жилища», «внутреннее пространство дома», «двор и хозяйственные постройки», что дало возможность представить дом и прилегающие к нему объекты как структурно-организованную систему.

Лексико-семантический анализ применялся для уточнения значений лексических единиц и описания культурных и оценочных оттенков их употребления в русской и немецкой традициях.

Сопоставительный метод использовался при сравнении русских и немецких лексем в рамках каждой тематической подгруппы с целью выявления универсальных и национально-специфических черт репрезентации дома как лингвокультурного кода. Этот метод позволил установить, какие характеристики дома и двора совпадают в двух традициях, а какие оказываются уникальными и формируют различающиеся модели жилищного пространства в русских и немецких легендах и преданиях.

Таким образом, каждый из применённых методов был соотнесён с задачами исследования: метод сплошной выборки обеспечил отбор материала и формирования корпуса культурно-маркированной лексики, описательный метод позволил систематизировать этот корпус и представить его в виде тематической классификации, лексико-семантической анализ дал возможность уточнить значения лексических единиц и их культурные оттенки, а сопоставительный метод выявил универсальные и национально-специфические особенности репрезентации дома в русской и немецкой фольклорных традициях.

Материалом для настоящего исследования послужили фольклорные тексты легенд и преданий из следующих источников: сборник А. Н. Афанасьева «Народные русские легенды» (1914), антология Н. А. Криничной «Легенды. Предания. Бывальщины» (1989), энциклопедия Е. А. Глушко и Ю. М. Медведева «Русские легенды и предания» (2006), первый том сборника немецких легенд и преданий братьев Гримм (Grimm, Grimm, 1965), сборник народного немецкого эпоса Людвига Бехштейна (Bechstein, 1930). При семантическом анализе культурно-маркированной лексики в качестве справочных источников привлекались лексикографические издания «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» под общей редакцией Ю. Е. Прохоровой (2007), а также толковый словарь Т. Ф. Ефремовой (2000).

Теоретическую основу исследования составили работы, посвящённые природе культурно-маркированной лексики, её классификации и методике анализа в тексте. При определении ключевого понятия берётся положение М. Г. Яшиной (2009) о том, что лексику, включающую социокультурный компонент, принято называть культурно-маркированной. При описании безэквивалентных единиц исследование опирается на работу М. М. Кувалдиной (2011), согласно которой подобные единицы выявляются при сопоставлении двух культур и включают слова, называющие уникальные национальные реалии, неологизмы и специфические имена и названия. Также учитываются положения И. Е. Аверьяновой (1984) о том, что единицы данной группы приобретают в конкретной лингвокультурной традиции дополнительное значение под влиянием исторических, природных и культурных условий. При анализе фоновой лексики опорой является концепция Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова (2005): понятийно-эквивалентные слова в разных языках различаются в силу того, что каждое их них сопряжено с определённой совокупностью фоновых знаний, потенциально присутствующих в сознании носителей данной культуры. Тем самым данная работа соотносится с направлением исследования, в котором культурно-маркированная лексика рассматривается как система единиц, кодирующих коллективный культурный опыт народа.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в практике преподавания русского и немецкого языков как иностранных, при разработке курсов по лингвокультурологии, межкультурной коммуникации, сопоставительному языкознанию и фольклористике.

Обсуждение и результаты

Легенды и предания сохраняют значительный пласт культурной информации, зафиксированной в языке. Отдельные лексические единицы отражают особенности быта, религиозных представлений, социальной организации и природной среды народа, формируя этнокультурное пространство фольклорного текста. Современная лингвокультурология уделяет значительное внимание подобным единицам, поскольку их анализ позволяет реконструировать фольклорную картину мира и выявить своеобразие исторического и коллективного опыта этноса.

По выражению М. Г. Яшиной, «лексику, включающую в себя социокультурный компонент, принято называть культурно-маркированной» (2009, с. 193). Термин «культурно-маркированная лексика» впервые был введён в научный оборот И. Е. Аверьяновой (1984). В дальнейшем в лингвистике появилось множество понятий, обозначающих лексику с выраженным национально-культурным компонентом: безэквивалентная, реалии, культурологически значимая лексика, концепты, лакуны, фоновая лексика, экзотизмы, культуремы, страноведческая лексика и др. Каждый из этих терминов акцентирует внимание на национально-специфических особенностях лексики, а подобное разнообразие понятий отражает сложность передачи культурной информации, поскольку в большинстве случает отсутствует полный эквивалент в языке и культуре другого народа.

Большинство лингвистов выделяют три основные группы культурно-маркированных единиц языка: безэквивалентные, коннотативные и фоновые.

Безэквивалентная лексика – это слова, которым нет аналогов в других языках, они обозначают уникальные явления, предметы или понятия, которые существуют только в определённой культуре. М. М. Кувалдина утверждает, что подобные языковые единицы можно выявить при сопоставлении двух культур. Чаще всего безэквивалентной лексикой могут быть неологизмы; слова, называющие особенные национальные понятия и реалии; специфические имена и названия (Кувалдина, 2011, с. 168).

Коннотативная лексика может называть объекты, схожие с тем, что уже существуют в других культурах, но в конкретной лингвокультурной традиции они приобретают дополнительное значение. Оно может быть сформировано на основе уникальных культурных, исторических, природных, климатических условий, присущих народам разных стран (Аверьянова, 1984, с. 44-45).

Понятие «фоновая лексика» соотносится с теорией Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова о «фоновых знаниях»: «…знания, потенциально присутствующие в сознании человека и той общности людей, к которой данный индивид принадлежит» (2005, с. 42). То есть фоновая лексика – это слова, которые в разных языках могут отличаться не только значением, но и тем, какие ассоциации и культурные особенности с ним связаны. Суть фоновой лексики в том, что «если сравнивать понятийно-эквивалентные слова в разных языках, то они будут отличаться друг от друга в силу того, что каждое из них сопряжено с определённой совокупностью знаний» (Кувалдина, 2011, с. 169).

Таким образом, культурно-маркированная лексика представляет собой обширный пласт языка, посредством которого раскрывается уникальность каждой национальной культуры. Национальная специфика этих единиц проявляется в отдельных элементах значения, характерных именно для конкретного языка и культуры.

Фольклорные тексты неоднократно становились источником изучения языковых единиц с национально-культурным компонентом. На материале русского и немецкого устного народного творчества исследовались лексемы различных тематических групп. Так, внимание учёных привлекала лексика природных реалий (Летова, 2012), пространственная лексика (Колесова, 2001), топонимы (Гордова, 2025), обрядовая лексика (Белугина, 2016) и наименования мифологических персонажей в русских и немецких сказках (Кузнецова, 2015).

Интерес к изучению культурно-маркированной лексики фольклорных текстов сохраняется и в последние годы. Так, И. А. Воронцова, С. Б. Барушкова и Е. Е. Петрова (2021), обращаясь к ирландским фольклорным сказкам, выделяют лингвокультурные маркеры текста, прежде всего реалии и фоновую лексику, распределяя их по тематическим группам (географические, этнографические и др.). В свою очередь, Е. Н. Зубкова (2022) на материале лексико-семантической группы «Фантастические птицы» показывает, как номинации мифологических персонажей русского языка (алконост, гамаюн, гарпия, гриф, грифон, жар-птица, семаргл, сирена, сирин, стратим, феникс, финист) со временем утрачивают связь с мифом и приобретают новые для носителей языка культурно-значимые смыслы. В работе Е. П. Худогуловой и Д. М. Момолдаевой (2021) безэквивалентная лексика на примерах сказок, пословиц, поговорок, былин и других жанров фольклора рассматривается как способ понять менталитет русского человека.

Кроме этого, среди тематических групп лексики с национально-культурным компонентом, рассматриваемых на материале фольклорных текстов, особое место занимает лексика, связанная с домом. Дом как элемент материальной культуры и одновременно как центр повседневного, семейного и сакрального пространства получает в фольклорной традиции многообразную языковую репрезентацию. Она включает в себя как наименования жилища и его частей, хозяйственных построек, предметов домашнего обихода, так и связанных с домом мифологических персонажей.

Тематическая группа «дом» достаточно широко представлена в лингвокультурологических исследованиях. В научной литературе она рассматривалась в нескольких направлениях: с точки зрения семантики и символики жилища (на материале обрядов, верований и мифологических текстов) (Байбурин, 1983). Также через призму диалектологии (на материале диалектных текстов и говоров, фиксирующих бытовые и сакральные номинации жилища и его частей) исследуемый феномен рассматривается в работах ряда исследователей (Житникова, 2006; Гранова, 2022; Кузьмина, 2022). Анализировалась данная тематическая группа и применительно к немецкой фольклорной традиции: в диахроническом аспекте на материале памятников письменности от древневерхненемецкого до нового периода (Кошкина, 2009, с. 175-189), а также в сопоставительном ключе (на материале немецких и русских сказок и художественных произведений) (Медведева, 2014, с. 200-205; Ковалёва, 2011, с. 70-73).

Несмотря на устойчивый интерес к данной тематической группе, культурно-маркированная лексика на материале именно русских и немецких легенд и преданий до настоящего времени не становилась предметом специального сопоставительного изучения. Существующие работы либо ограничены материалом сказочной прозы, либо построены на диалектных источниках.

Методом частичной выборки нами были выделены лексические единицы тематической группы «дом», обладающие национально-культурным компонентом значения. Полученные культурно-маркированные лексемы распределены по трём подгруппам: типы жилища; внутреннее пространство; двор и хозяйственные постройки. Их перечень представлен в Таблице 1.

Таблица 1. *Культурно-маркированная лексика тематической группы «дом» в русских и немецких легендах и преданиях*

	Культурно-маркированная лексика русских легенд и преданий	**Культурно-маркированная лексика немецких легенд и преданий**
Типы жилища	Дворец, палаты, купеческий дом, изба, зимовье, барак, шалаш, казарма	Schloß (замок), Palast (дворец), Fürstenhaus (княжеский дом), Burg (оборонительная крепость)
Внутреннее пространство дома	Горница, сени, подполье	Saal (зал), Keller (винный погреб), Gemächer (покои)
Двор и хозяйственные постройки	Баня, сарай, хлев, амбар, гумно, закром, задворки, тын, полоса земли на поле	Gärten (сады), Brücke ins Haus (мост в дом)

Обращаясь к подгруппе «типы жилища», можно заключить, что в обоих корпусах текстов жилище служит маркером социального статуса.

В русской традиции «верхний» уровень иерархии обозначен лексемами «*дворец*» и «*палаты*» – символами власти и богатства. Они ассоциируются с представителями высшего сословия (царями, боярами, князьями и др.). Данное наблюдение подтверждается следующими контекстами: «*Как ни грозен был царь, а убоялся бояр и выехал с горем из* ***дворца*** *своего* <…>» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 98); «*Посылают гонца от* ***женской палаты*** *поведать царю, что родила царица наследника престолу царскому. Приходит гонец в* ***царскую палату*** <…>» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 105).

Лексема «*купеческий дом*» фиксирует принадлежность к среднему классу, занимающему промежуточное положение между «высшим» сословием и крестьянством. Купеческий дом сочетает в себе черты торгового и жилого помещения, свидетельствуя о достатке хозяина: «<…> *видит дом двухэтажный,* ***купеческий дом****; значит, купеческий, раз двухэтажный*» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 109).

«Нижний» уровень иерархии обозначают лексемы, называющие пространство жизни простых людей. Среди них центральное место занимает «*изба*» – основной крестьянский дом, отражающий оседлость народного быта:

«<…> *в простой мужицкой* ***избе*** *жил* <…>» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 112). Примечательно, что изба воспринимается не просто как жилище, а как средоточие семейного и трудового уклада.

Несмотря на это, в легендах и преданиях отражены и другие типы жилья обычных людей, которые возникали вне привычного оседлого быта. Например, словом «*зимовье*» называют небольшую деревянную постройку в сибирской тайге или тундре, где охотники и рыбаки могли укрыться или пожить на время промысла: «*А время было уже под вечер. Приходит в* ***зимовье****, сварил ужин, разувается, ложится спать*» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 187).

«*Шалаш*», в отличие от «*зимовья*», обозначает более лёгкое и временное укрытие из подручных материалов, возводимое человеком во время промысла или в пути: «<…> *после долгого пути он сделал роздых солдатам на реке Лососинке, где в* ***шалашах*** *жили рыбаки* <…>» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 127).

Культурно-маркированная лексема «*барак*» также называет временное строение, но предназначенное для размещения рабочих или войск: «<…> *Выскочили из* ***бараков*** *– шахта ходуном ходит* <…>» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 201).

Сходную функцию выполняет и слово «*казарма*», однако она соотнесена с военной сферой и обозначает место размещения военнослужащих: «*Приходит солдат к себе в* ***казарму****, а его требуют к царю*» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 108).

Все эти лексемы указывают на необходимость адаптации человека к разным жизненным обстоятельствам: добыча пропитания, тяжёлая работа вдали от дома либо воинская повинность. Человек нередко был вынужден покидать семью или общину, временно отходя от привычного оседлого образа жизни. В целом, русские легенды и предания демонстрируют значительное разнообразие вариантов жилья даже в рамках «низших» слоёв общества, зависящее от ситуации и от условий жизни.

В немецких же легендах и преданиях ситуация несколько иная: здесь представлены исключительно «верхние» ступени социальной иерархии (жилища представителей власти и аристократии): *“Schloß”* (*замок*), *“Fürstenhaus”* (*княжеский дом*):

“<…> In der Mitte aber stünde ein herrlich und wohlgebautes ***Schloß*** *oder* ***Fürstenhaus*** *<…>”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 41). / *«<…> В центре стоял великолепный и добротно построенный* ***замок*** *или* ***княжеский дом***» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – *К. К.*);

“Palast” (*дворец*): *“<…> mit* ***Palästen****, Kirchen, Klöstern, Gärten, Gold- und Silberquellen versehen”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 33). / *«<…> оснащённый* ***дворцами****, церквями, монастырями, садами, хранилищами золота и серебра*»;

“Burg” (*оборонительная крепость*): *“<…> saß aber droben auf der festen* ***Burg*** *Werdenberg <…>”*. / *«<…> жил он там наверху, в неприступном замке Верденберг <…>»* (Bechstein, 1930, S. 16).

По всей видимости, это обусловлено спецификой жанра немецких легенд и преданий, в которых основное внимание уделялось аристократическим персонажам и их окружению.

В анализируемых немецких фольклорных текстах жилище простых людей неоднократно упоминается, однако обозначается не культурно-маркированной единицей, а нейтральным словом *“Haus”* (дом):

“Es wollen die folgende Nacht (перепроверьте текст) etliche zu dir auf dein ***Haus*** *kommen und Ablager halten”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 58). / *«Следующей ночью к тебе* ***домой*** *придут переночевать несколько человек*»;

“Die großen Reichtümer brachte er glücklich nach ***Haus”*** (Grimm, Grimm, 1965, S. 38). / *«Он с радостью привёз свои несметные богатства* ***домой***»;

“Als er nach ***Haus*** *kam, war das Essen bereit”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 53). / *«Когда он вернулся* ***домой****, еда уже была готова*».

Слабая лексическая дифференциация жилища простых людей в немецких легендах и преданиях объясняется рядом историко-культурных факторов. Германоязычная Европа располагала развитой городской культурой с устойчивым бюргерским укладом, в рамках которой понятие *“Haus”* (дом) выполняло универсальную функцию, обозначая жилое пространство безотносительно к социальному статусу его владельца. Кроме того, христианская этическая традиция, глубоко укоренившаяся в европейской культуре, смещала акцент с материальной стороны быта на духовную и нравственную жизнь человека. Это отразилось в меньшем интересе фольклорного нарратива к бытовым реалиям повседневного уклада простолюдина.

Проведённый анализ подгруппы «типы жилища» позволяет выявить принципиальное сходство и значимое различие между русской и немецкой фольклорными традициями.

В обоих корпусах текстов тип жилища выступает маркером социального статуса его владельца. Однако если русские легенды и предания отражают полный спектр социальный иерархии, то немецкие тексты сосредоточены исключительно на жилье аристократии, тогда как жилище простых людей обозначается нейтральным словом *“Haus”* (дом), лишённым культурной маркированности. Это различие обусловлено как жанровой спецификой немецких легенд и преданий с их ориентацией на аристократических персонажей, так и влиянием христианской этической традиции, смещавшей акцент с бытового пространства на духовную жизнь человека.

При переходе к анализу внутренней структуры дома в русских и немецких легендах и преданиях, обнаруживаются существенные различия в их пространственном устройстве.

В русских фольклорных текстах выделяются такие культурно-маркированные лексемы, как:

– «*горница*», «*сени*»: «*Привезли солдата и велели ему в* ***сенях*** *подождать, а потом и в* ***горницу*** *позвали*» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 108).

– «*подполье*»: «*Как посмотрит в* ***подполье*** *– а там деревенская (из другой деревни) девка привезена у них там*» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 210), что свидетельствует о дифференциации внутреннего пространства дома.

«*Горница*» традиционно воспринималась как самое светлое и чистое помещение, куда приглашали гостей и собирались всей семьей. «*Сени*» обозначали переходное пространство между улицей и домом, которое помогало сохранить тепло зимой и прохладу летом, а также служили местом хранения вещей. «*Подполье*» же было важным хозяйственным помещением, где хранились продукты и запасы на зиму, обеспечивая выживание семьи в холодное время года. Каждое из этих помещений обладало глубокой символической наполненностью, отражая восприятие дома как целостного и сакрально значимого пространства.

В немецких легендах и преданиях внутренняя организация дома имеет иной характер. Здесь обнаруживаются такие лексемы, как:

– *“Saal”* (зал): *“<…> zog daher in der Nacht durch das Schlüsselloch und die Fensterritzen in den* ***Saal****, und sie sprangen hinab auf den glatten Fußboden <…>”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 56). / *«<…> поэтому они ночью пробрались в* ***зал*** *через замочную скважину и щели в окнах и спрыгнули вниз на гладкий пол <…>»*;

– *“Keller”* (винный погреб): *“<…> und in einen ansehnlichen Keller gelangte, zu dessen beiden Seiten er große Fässer liegen sah”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 41). / *«<…> он оказался в просторном* ***погребе****, по обеим сторонам которого лежали огромные бочки*»;

– *“Stuben”* (комнаты), *“Gemächer”* (покои): *“<…>* ***Stuben*** *und* ***Gemächer*** *voll Gold und Edelgestein”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 55). / *«<…>* ***Комнаты*** *и* ***покои****, полные золота и драгоценных камней*».

“Saal” (зал) – это просторное помещение для торжественных мероприятий и приёма важных гостей, подчёркивающее статус хозяина и его материальное положение. *“Keller”* (винный погреб) ассоциируется с культурой вина, гостеприимством и зажиточностью. В нём так же, как и в русском «*подполье*», хранили запасы еды и заготовок. *“Stuben”* (комнаты), *“Gemächer”* (покои) – приватное пространство человека, предназначенное

для отдыха и уединения. Все эти лексемы чаще всего встречаются в рамках описания убранства замка или дворца, а не дома простых людей. Подобная организация жилого пространства отражает европейские представления о комфорте, статусе и приватности, где каждая зона имеет свою функцию.

Сравнение русских и немецких легенд и преданий с точки зрения лексики подгруппы «внутреннее пространство дома» позволяет сделать следующий вывод. В русской традиции дом предстаёт как «микрокосм», где каждое помещение выполняет свою особую функцию и связано с ритмом сельской жизни, с заботой о хозяйстве и семье. В немецких текстах акцент делается на отдельных комнатах, каждая из которых подчёркивает статус владельца, его достаток и стремление к комфорту. Подобное различие в восприятии дома отражает культурную оппозицию: в русской традиции дом – это живой организм, связанный с природой и трудом, в немецкой – место безопасности, комфорта и социальной репрезентации.

Обратимся к подгруппе «двор и хозяйственные постройки». Как видно из *Таблицы 1*, между двумя традициями прослеживается количественная асимметрия. Подобная диспропорция не случайна и отражает принципиальное различие в картинах мира двух народов.

В русских легендах и преданиях выделенные культурно-маркированные лексемы воссоздают развёрнутую пространственную модель крестьянского двора, в которой каждый объект имеет своё название, функцию и символический смысл, что допускает их функциональную классификацию. Так, центральное место в этой системе занимают постройки, связанные с хранением зерна и содержанием скота. Лексемы «*амбар*», «*закром*», «*гумно*» воплощают идею хозяйственного достатка. «*Амбар*» служил строением для хранения зерна и припасов, от которого зависело благополучие семьи вплоть до следующего урожая. К нему примыкает «*закром*» – отгороженное место внутри амбара для ссыпки зерна и муки:

– «*Стал мужик молотить: что ни сноп, то и четверик зерна. Все* ***закрома****, все клети набил рожью, а все еще остается много; поставил он новые* ***амбары*** *и насыпал полнёхоньки*» (Афанасьев, 1914, с. 115).

– Не менее важным элементом этой системы является «*гумно*», где молотили и обмолачивали зерно: «“*Пора молотить, собирайтеся!” Толкнул и пошел на двор. Вот апостолы поднялись было и хотели идти на* ***гумно***» (Афанасьев, 1914, с. 229).

В символическом смысле лексемы «*амбар*», «*закром*», «*гумно*» отражают этапы сельскохозяйственной деятельности и годовой цикл крестьянского труда.

Важно отметить, что, по народным поверьям, с амбаром был связан особый дух – «*амбарник*», хранитель запасов, образ которого в народной традиции амбивалентен: он мог охранять зерно и помогать хозяевам, но при нарушении заведённого порядка становился опасным: «<…> *две сестры на выданье отправились в лунную ночь к* ***амбару****.* <…> *Подойдя к дверям, сестры стали приговаривать: // – Суженый-ряженый, приходи рожь мерить!* <…> *// – Тебе что послышалось?* <…> *// – Будто* ***амбарник*** *зерно сыплет. // – Эх, счастливая, появится у тебя по осени богатый женишок… А мне опять не повезло, как и о прошлогодье: почудилось, будто пол веником метут. Ну страсть как не хочется идти за бедняка! Может, погадаем у другого* ***амбара***?» (Глушко, Медведев, 2006, с. 16).

Скот в русской народной культуре был неотъемлемой частью хозяйства и служил гарантом достатка и благополучия семьи. Для содержания скота в крестьянском хозяйстве предназначался «*хлев*». Лексема «*хлев*» отражает неразрывную связь крестьянского уклада с животноводством. В народных поверьях хлев традиционно воспринимался как пространство, где возможен контакт со сверхъестественным: «*Были у меня сыны на войне. И я пошла узнать, живы ли дети* <…> *пришли во двор* <…> *стала звать: “Черт, выходи! Водяной, выходи. Жировой, выходи!”* <…> *стою, боюся: думаю, вот, сейчас выйдет – задавит. Долго не выходил. Потом* <…> *в другой* ***хлев*** *сходила – он и вышел. Сошел, меня по лицу провел, по губам, потом по плечу. Серед* ***хлева*** *стал и говорит: “Ну, спрашивай!”*» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 211). Все четыре лексемы «*амбар*», «*закром*», «*гумно*» и «*хлев*» фиксируют пространство двора, организованное вокруг зернового хозяйства и животноводства как основ крестьянского быта.

Менее значимое, но тем не менее устойчивое место в системе хозяйственных построек занимает сарай. Лексемой «сарай» обозначалась универсальная хозяйственная постройка для хранения инвентаря и реже скота. В отличие от амбара и хлева, сарай не закреплён за конкретной функцией и выступает «нейтральной» зоной двора. Однако и это пространство в народных текстах оказывается небезопасным: «<…> *дед пошел в* ***сарай*** *– у лошади опять заплетены косички*» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 209).

Особое место среди дворовых построек занимает баня. С одной стороны, она предназначена для проведения гигиенических процедур, то есть выполняет строго утилитарную функцию, а её место среди остальных построек регламентировано: баню специально ставили «подальше от жилого дома» во избежание пожара (Россия. Большой лингвострановедческий словарь, 2007, с. 39). С другой стороны, именно такое расположение наделило эту постройку мифологической составляющей: баня намеренно выносилась «*на задворки*»: «<…> ***на задворках*** *стояла старая заброшенная* ***баня***» (Глушко, Медведев, 2006, с. 17), так как, по народным поверьям, баня – это пространство перехода между мирами, где совершались различные обряды, ритуалы и гадания: «*Пошел в* ***баню*** *в двенадцать часов ночи* <…> *протянешь руку, и вот если в мохнатой рукавице возьмет – значит, богатая будет невеста (или там жених), а если просто голой рукой – значит, бедная*» (Легенды. Предания. Бывальщины, 1989, с. 228). В легендах и преданиях баня является местом контакта с нечистой силой, прежде всего с *банником* (*баенником*) – духом, охраняющим это пространство и карающим за нарушение установленного порядка: «*Один мельник вернулся домой с ярмарки за полночь и решил попариться. Разделся, снял, как водится, нательный крестик и повесил его на гвоздик, залез на полок – и вдруг явился в чаду и дыму страшный мужик с огромными глазами и в красной шапке. // – А, попариться захотелось! – прорычал* ***банник****. –*

Забыл, что после полуночи ***баня*** *– наша! Нечистая! // И ну хлестать мельника двумя огромными раскаленными вениками, пока тот не упал в беспамятстве*» (Глушко, Медведев, 2006, с. 30). В целом, лексемы «*баня*» и «*задворки*» семантически связаны и образуют в фольклорных текстах единый лиминальный локус.

Схожую семантическую двойственность обнаруживает и лексема «*тын*». С бытовой точки зрения это обычный «сплошной забор из вбитых в землю жердей, бревен» (Ефремова, 2000), однако в легендах и преданиях употребляется второе исторически маркированное значение – «частокол из вертикально врытых в землю заостренных бревен, служивший оборонительной оградой старинных русских укреплений» (Ефремова, 2000): «*Идет он дальше – и видит* ***тын****, а под тем* ***тыном*** *виднеются старики; всех илом занесло*!» (Афанасьев, 1914, с. 101). «*Тын*» здесь выполняет не столько прагматическую функцию забора, сколько функцию границы, за пределами которой находится нечто сверхъестественное.

Наконец, лексема «*полоса земли на поле*» занимает особое место в подгруппе, поскольку является единственной культурно-маркированной единицей, обозначающей не постройку в пределах двора, а земельный надел: «<…> *авось и* ***на моей полосе*** *уродится такой же славной хлеб*» (Афанасьев, 1914, с. 98). Эта лексема отсылает к историческому термину «чересполосица», обозначающему систему, при которой всё поле делилось между крестьянами деревни на узкие длинные полосы и каждому доставалось сразу несколько полос в разных местах. Распределение на полосы позволяло уравнять качество земли между всеми дворами (Соловьев, Иванов, 2017, с. 32-38). Включение этой лексемы в подгруппу «двор и хозяйственные постройки» закономерно: полоса земли являлась неотъемлемой частью крестьянского хозяйства, расширяя его границы за пределы двора.

Девять выделенных лексем в совокупности свидетельствуют о формировании в русской фольклорной традиции целостной и многоуровневой модели крестьянского хозяйства. В этой модели каждый элемент наделен как конкретной функцией, так и мифологическим смыслом. Хозяйственные объекты выступают полноправными «участниками» повествования, где неразрывно переплетены бытовое и сакральное.

В немецких легендах и преданиях описание двора и хозяйственных построек практически отсутствует. Лексема *“Gärten”/“Garten”* (сады) употребляется в текстах исключительно в контексте потустороннего или магического мира.

В предании “Die Schlangenjungfrau” (Змеиная дева) подземный ход описан следующим образом: “*Da hätte er erstlich durch eine eiserne Pforte und darnach aus einem Gewölbe in das andere, endlich auch durch etliche gar schöne und lustige grüne* ***Gärten*** *gehen müssen. In der Mitte aber stünde ein herrlich und wohlgebautes Schloß oder Fürstenhaus* <…>” (Grimm, Grimm, 1965, S. 41). / «*Сначала он прошёл сквозь железные ворота, затем из одного подземного свода в другой, а после и через несколько прекрасных* ***садов****. В центре стоял великолепный дворец или княжеский дом* <…>».

В предании о Фрау Холле сад также принадлежал сверхъестественному существу и был наделён магическим изобилием: *“Von dieser Holle erzählt das Volk vielerlei, Gutes und Böses. Weiber, die zu ihr in den Brunnen steigen, macht sie gesund und fruchtbar; die neugeborenen Kinder stammen aus ihrem Brunnen, und sie trägt sie daraus hervor. Blumen, Obst, Kuchen, das sie unten im Teiche hat und was in ihrem unvergleichlichen* ***Garten*** *wächst, teilt sie denen aus, die ihr begegnen und zu gefallen wissen”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 35). / «*О госпоже Холле слагается множество и добрых, и пугающих преданий. Женщин, которые спускаются к ней в колодец, она исцеляет и делает плодовитыми; новорождённые дети, по народному поверью, появляются из её колодца, и она приносит их. Цветы, фрукты, пироги, что она хранит на дне пруда, а также дары из её несравненного* ***сада*** *– всё это она раздаёт тем, кто встретится с ней и сумеет ей понравиться*». Примечательно, что сама Фрау Холле в немецкой традиции осмысляется как мифическое существо, связанное с плодородием и природными стихиями. Её сад – это идеализированный природный локус «иного» мира, место магического изобилия и красоты, доступное лишь тем, что смеет понравится его хозяйке.

Лексемы *“Brücke ins Haus”* (мост в дом) фигурирует в сюжетном описании появления гномов в предании *“Der Graf von Hoia”* (Граф фон Хойя): *“Also sind folgende Nacht, gleich als mit einem reisigen Zug, die* ***Brücke*** *hinauf* ***ins Haus*** *gezogen allesamt kleine Leute* <…>*”* (Grimm, Grimm, 1965, S. 59). / «*И вот, на следующую ночь, словно в большой процессии, все маленькие люди поднялись по* ***мосту к дому*** <…>». Поэтому *“Brücke ins Haus”* (мост в дом) служит путём, по которому потусторонние существа попадают в людской мир, то есть несёт ту же лиминальную функцию, что баня и задворки в русской традиции.

Вместе с тем необходимо учитывать, что две выделенные лексемы имели и вполне реальную архитектурную основу. Так, относительно лексемы *“Gärten”/“Garten”* (сады) можно провести параллель с тем, что, начиная с позднего Средневековья, сад являлся неотъемлемой частью замково-дворцовых ансамблей земель Германии. Схожую историческую основу допускает и лексема *“Brücke ins Haus”* (мост в дом). Мост был обязательным элементом средневекового замка, поскольку крепости возводились на возвышенностях, обрывах или окружались рвами из соображений безопасности, а подъемный мост служил единственным путём внутрь и в случае угрозы поднимался, полностью отрезая замок от внешнего мира. Всё это ещё раз подтверждает, что немецкие легенды и предания чаще всего обращаются не к крестьянскому укладу, а переосмысляют образы аристократической культуры, наделяя их мифологическим контекстом.

При сопоставлении двух традиций в рамках подгруппы «дом и хозяйственные постройки» можно обнаружить принципиальное расхождение как в количестве лексем, так и в характере пространства, которое они описывают.

В русской традиции крестьянский двор предстаёт как разветвлённая и детализированная система, в которой каждый объект чётко выполняет свои функции и при этом либо связан с мифологическим «хозяином», либо наделён сакральным смыслом.

В немецкой традиции, напротив, в центре внимания оказывается не крестьянский уклад, а элементы аристократической культуры: *“Gärten”/“Garten”* (сады) как часть замково-дворцового ансамбля и *“Brücke ins*

Haus" (мост в дом) как обязательная деталь архитектуры средневековых крепостей. Вместе с тем в фольклорных текстах эти объекты наделяются мифологическим содержанием и выступают границей между «своим» и «чужим» пространством.

Таким образом, подгруппа «двор и хозяйственные постройки» демонстрирует наиболее заметную асимметрию между двумя традициями. В русских легендах и преданиях выстраивается развёрнутая модель крестьянского хозяйства, в которой каждый объект выполняет определённую бытовую функцию и одновременно наделяется мифологическим значением. Немецкие же тексты лишены подобной детализации, в них представлены лишь отдельные элементы аристократического пространства, приобретающие в фольклорном контексте мифологическую семантику. Установленные различия отражают особенности национально-культурного восприятия дома и прилегающего к нему пространства.

Заключение

Проведённый сопоставительный анализ культурно-маркированной лексики тематической группы «дом» в русских и немецких легендах и преданиях позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, в обеих фольклорных традициях жилище выступает устойчивым культурным кодом, посредством которого раскрываются ценностные ориентиры народа и социальная иерархия. В русских текстах воссоздаётся развёрнутая социальная вертикаль: от «высшей» власти (*дворец, палаты*) через «среднее» сословие (*купеческий дом*) к «низшему» сословию (*изба, зимовье, шалаш, барак, казарма*). Немецкая же традиция сосредоточена преимущественно на «верхних» ступенях иерархии (*Schloß* (замок), *Palast* (дворец), *Fürstenhaus* (княжеский дом), *Burg* (оборонительная крепость)), тогда как жилище простолюдина обозначается нейтральным словом *"Haus"* (дом). Это объясняется спецификой немецкого фольклорного нарратива, ориентированного преимущественно на изображение аристократического слоя общества. Немаловажную роль сыграла и развитая городская бюргерская культура, в которой слово *"Haus"* (дом) выполняло универсальную номинативную функцию.

Во-вторых, анализ лексики внутреннего пространства дома выявил различия в базовых концепциях жилища в двух культурах. Русские лексемы *горница, сени, подполье* отражают членение дома на функциональные зоны, каждая из которых встроена в ритм повседневной жизни, труда и природного цикла. В немецкой традиции, напротив, посредством культурно-маркированных единиц *Saal* (зал), *Keller* (винный погреб), *Gemächer* (покои), преимущественно встречающихся при описании замков и дворцов, на первый план выходят статус, комфорт и защищённость жилища. Это отражает принципиальное различие в базовой аксиологии дома: в русской традиции пространство дома организовано вокруг повседневных хозяйственных и семейных потребностей, тогда как в немецкой акцент смещён к репрезентации положения владельца и обеспечению его приватности.

В-третьих, наиболее яркая асимметрия двух традиций проявляется в подгруппе «двор и хозяйственные постройки». В русских легендах и преданиях эта группа воссоздаёт целостную и разветвлённую модель крестьянского двора, в которой каждый объект обладает конкретной функцией и сакральным смыслом. Лексемы *амбар, закром, гумно, хлев, сарай, баня, задворки, тын, полоса земли на поле* образуют систему, которая охватывает все ключевые сферы крестьянского хозяйства. Примечательно, что за многими из этих объектов закреплён мифологический «хозяин» (*амбарник*, *банник*, *дворовой*), что отражает характерное для русской традиции восприятие дома и двора как «живого» организма, пронизанного сакральным смыслом и требующего ритуальной поддержки. В немецких легендах и преданиях данная подгруппа представлена лишь двумя лексемами: *Gärten* (сады) и *Brücke ins Haus* (мост в дом), которые описывают аристократический топос замково-дворцовых ансамблей и вместе с тем наделяются мифологическим содержанием. Сад выступает локусом потустороннего изобилия, а мост – путём, по которому потусторонние существа проникают в мир людей. Выявленная асимметрия закономерно отражает различия в ценностных приоритетах двух фольклорных традиций. Если русские легенды и предания фиксируют широкий социальный срез народного быта, то немецкие в большей степени сосредоточены на аристократическом мире и его мифологическом переосмыслении.

Таким образом, культурно-маркированная лексика тематической группы «дом» в русских и немецких легендах и преданиях отражает разные модели национального мировосприятия. Русская фольклорная традиция представляет дом как «микрокосм» крестьянского бытия, в котором переплетаются функциональное и сакральное: дом и двор с хозяйственными постройками образуют живую систему отношений человека с семьёй и общиной, природой и духами. Немецкая традиция осмысляет дом сквозь призму аристократической и бюргерской культуры, где акцент смещён с крестьянского уклада в сторону репрезентации статуса, личного пространства и мифологически переосмысленных элементов средневековой архитектуры.

Показательно, что именно легенды и предания сохраняют эти различия наиболее целостно, выступая свидетельством того, каким представлялся реальный мир двух народов и как этот мир воспринимался самими носителями традиции. В этом смысле культурно-маркированная лексика функционирует как самобытный код национальной идентичности, закреплённый в языке фольклора.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением круга анализируемых тематических групп культурно-маркированной лексики, обнаруживаемых как в русских, так и в немецких легендах и преданиях. В дальнейшем представляется целесообразным обратиться к таким тематическим группам, как «общественные места», «одежда и обувь», «пища и напитки», «денежные знаки и единицы меры» и др. Ещё одним перспективным направлением видится разработка лингвокультурологического словаря культурно-

маркированной лексики фольклорного текста, в котором были бы систематизированы и описаны ключевые лексемы, репрезентирующие национально-культурную специфику русской и немецкой традиции.

Материалы исследования | Research materials

1. Афанасьев А. Н. Народные русские легенды / ред. и предисл. С. К. Шамбинаго. М.: Современные проблемы, 1914.
2. Глушко Е. А., Медведев Ю. М. Русские легенды и предания. М.: Эксмо, 2006.
3. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь русского языка // Словари и энциклопедии на Академике. 2000. https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/256789/Тын
4. Легенды. Предания. Бывальщины / сост., подгот. текстов, вступ. статья и примеч. Н. А. Криничной. М.: Современник, 1989.
5. Россия. Большой лингвострановедческий словарь / под общ. ред. Ю. Е. Прохорова. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.
6. Bechstein L. Deutsches Sagenbuch. Meersburg – Leipzig, 1930.
7. Grimm J., Grimm W. Deutsche Sagen: Zwei Bände in einem Band. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1965.

Источники | References

1. Аверьянова И. Е. Русская культурно-маркированная лексика в англоязычных произведениях о России и Великой Октябрьской Социалистической революции: дисс. … к. филол. н. Днепропетровск, 1984.
2. Байбурин А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983.
3. Белугина О. В. Специфика функционирования обрядовой лексики в фольклоре юго-западных районов Брянской области: дисс. … к. филол. н. Смоленск, 2016.
4. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М.: Индрик, 2005.
5. Воронцова И. А., Барушкова С. Б., Петрова Е. Е. Лингвокультурные маркеры текста // Верхневолжский филологический вестник. 2021. № 2 (25).
6. Гордова Ю. Ю. Топонимические легенды как особый жанр устного народного творчества // Российский лингвистический бюллетень. 2025. № 1 (61). https://doi.org/10.60797/RULB.2025.61.6
7. Гранова М. А. «Пространство крестьянского дома в верованиях и обрядах, связанных с духами-“хозяевами” локусов» (По данным русских мифологических текстов пермского края) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 10.
8. Житникова М. Л. Дом как базовое понятие народного мировидения (лингвокультурологический аспект): дисс. … к. филол. н. Томск, 2006.
9. Зубкова Е. Н. Лексико-семантическая группа «Фантастические птицы» как фрагмент русской языковой картины мира // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9. № 1. https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.1.19
10. Ковалёва Е. А. Домовой в немецкой и русской культурах // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 3 (218). Вып. 50.
11. Колесова Е. А. Лексика пространства в фольклорных текстах: на материале заговоров: дисс. … к. филол. н. СПб., 2001.
12. Кошкина Е. Г. Репрезентация в языке ментального представления о доме-жилище как центре «своего» пространства (диахронический аспект) // Пространство и метасферы языка: структура, дискурс, метатекст: материалы III межвузовской научной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации, Москва, 26 июня 2009 г. М.: ЗАО «Книга и бизнес», 2009.
13. Кувалдина М. М. Культурный компонент лексики немецкого языка // Альманах современной науки и образования. 2011. № 8.
14. Кузнецова Н. Ю. Функционирование мифонимов в немецких и русских сказках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7-1 (49).
15. Кузьмина А. М.-Г. Наименования помещений и пристроек, примыкающих к жилой части дома, в говорах Архангельской области // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 12. https://doi.org/10.30853/phil20220703
16. Летова А. М. Семантические особенности фитонимов в русском фольклоре: дисс. … к. филол. н. М., 2012.
17. Медведева Т. С. Концепты дом и Haus/Heim в русской и немецкой лингвокультурах // Многоязычие в образовательном пространстве. 2014. № 6.
18. Соловьев А. А., Иванов А. А. Сельская община и земельный вопрос: изменения в распределительных функциях в конце XIX – начале XX веков // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2017. Т. 3. № 2 (10).
19. Худогулова Е. П., Момолдаева Д. М. Безэквивалентная лексика в произведениях фольклора на занятиях по русскому языку как иностранному // StudNet. 2021. № 6.
20. Яшина М. Г. Методика исследования культурно-маркированной лексики // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 3.

Информация об авторах | Author information

RU

Козлова Кристина Олеговна[1]
[1] Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

EN

Kristina Olegovna Kozlova[1]
[1] Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla, Ufa

[1] *lstchr123@gmail.com*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.06.2026; опубликовано online (published online): 11.09.2026.

Ключевые слова (keywords): культурно-маркированная лексика; тематическая группа «дом»; русские легенды и предания; немецкие легенды и предания; дом как лингвокультурный код; culturally marked vocabulary; thematic group "home"; Russian legends and traditions; German legends and traditions; home as a linguocultural code.